

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. VIII K 513 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893 г.

ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ТИПОЛОГИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
XXXII
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ТАРТУ 1981

СИСТЕМА ВЗГЛЯДОВ С. Н. ГЛИНКИ (1807—1812 гг.)

Л. Н. Киселева

Период между Тильзитским миром и Отечественной войной (1807—1812 гг.) — самостоятельная и сложная эпоха, явившаяся важным этапом в формировании национального и культурного самосознания.

Неудачи в антинаполеоновских войнах, позорный мирный договор, униженное положение России обострили национальное чувство и всколыхнули патриотические настроения в стране. Понятия «Отечество», «родной язык», «русская история» получили новое звучание. Широко бытовавшее в дворянской среде французское воспитание, французские моды и французский язык стали казаться многим мыслящим людям не только недопустимым легкомыслием, но и прямым предательством национальных интересов, в этой обстановке вперед выдвинулась консервативная партия. Недовольство и разочарование правительственной политикой привело к стремлению противопоставить либерализму императора Александра и его молодых друзей, приведших Россию к унижению, иные лозунги, иную программу. Знаменем консервативного лагеря стала национально-патриотическая идея.¹ Французомании современного дворянского общества и его увлечению иноземными образцами деятели этого лагеря противопоставляли русские образцы. Но для них борьба с французскими модами тесно переплеталась с борьбой с французскими идеями, т. е. с просветительской философией. Именно с «пагубным влиянием» этих идей они связывали забвение русскими дворянами интересов родины, презрение к своему языку, обычаям и нравам своего народа, незнание националь-

¹ Общая характеристика этого периода с указанием на расстановку сил и более или менее подробными очерками деятельности отдельных группировок и лиц приводится в огромном числе исследований по русской культуре нач. XIX в. Давно сделавшись общим местом и повторяясь из работы в работу, такие очерки создают иллюзию исчерпанности проблемы, что, однако, далеко не так. В интересующем нас аспекте см.: В. И. Бочкарева. Консерваторы и националисты в России в начале XIX века. — В кн.: Отечественная война и русское общество. 1812—1912. М., 1911, т. II, с. 194—

ной истории, неуважение к религии и авторитетам, могущие привести к губительным последствиям.² Развенчание ложного «всемирного» (т. е. западного, французского) идеала и воспитание молодых дворян в духе национальной русской традиции и любви к Отечеству сделались центральными вопросами литературной деятельности представителей консервативного лагеря.

Конечно, рассмотренные идеи по-разному преломились в творчестве различных литераторов, но, так или иначе, ими была проникнута и бурно развивавшаяся в те годы публицистика, и приобретшие вес и популярность сочинения гр. Ф. В. Растопчина, А. С. Шишкова, и творчество И. А. Крылова. Однако было издание, в котором национально-патриотические идеи нашли свое наиболее полное и законченное воплощение. Это был журнал С. Н. Глинки «Русский вестник».

Очевидно, что само название журнала и эпиграф к нему, почерпнутый из Державина: «Мила нам добра весть о нашей стороне, / Отечества и дым нам сладок и приятен» — были программными. Открывая первую книжку своего издания, редактор писал во «Вступлении»: «Издавая *Руской Вестник*, намерен я предлагать читателям все то, что непосредственно относится к *Руским*. Все наши упражнения, деяния, чувства и мысли должны иметь целью Отечество; на сем единомудном стремлении основано общее благо».³

² Разумеется, подобные тенденции не были специфической чертой именно русской культуры того периода, а характерны для развития европейской культуры в целом и вызваны общими причинами: эксцессы Французской революции и последовавшее за ними разочарование в идеях французского Просвещения и наполеоновские войны, втянувшие все народы Европы в борьбу за национальную независимость (см.: А. Н. Шебунин. Европейская контр-революция в первой половине XIX в. Л., 1925).

С другой стороны, и на русской почве подобные идеи высказывались не впервые. Борьба с галломанией, роскошью и модами связана с традицией сатирической журналистики и публицистики XVIII в. (что ощущали современники и на что указал еще Н. С. Тихонравов в статье «Граф Ф. В. Растопчин и литература в 1812 г.» — См.: Н. С. Тихонравов. Соч. Т. 3, ч. I. М., 1898, с. 352, 356). Идея обращения к русской истории также важна для многих деятелей XVIII — нач. XIX вв. Особый смысл она приобретает в сочинениях Н. М. Карамзина в «Вестнике Европы» (см. обобщающую статью А. Кросса: A. G. Gross. N. M. Karamzin's 'Messenger of Europe' (Vestnik Yevropy), 1802—3. — В кн.: Forum of Modern Language Studies. Vol. V, N. 1, January, 1969). Требования народности литературы раздуются в «Дружеском литературном обществе» и др. литературных организациях первых лет XIX в. Poleмика по вопросам языка началась еще в 1803 г. Однако в рассматриваемую эпоху весь этот комплекс идей не просто актуализируется, но и сгущается, приобретает новый акцент (см.: Иван Андреевич Крылов. Проблемы творчества. Л., 1975, с. 179). Накаленная общественная атмосфера сообщила идеям ударную силу, и они оказались по-своему и в разном смысле плодотворными для последующего развития русской мысли (романтизм, декабристы, младоархаисты и т. д.).

³ См.: «Русский вестник», 1808, № 1, с. 3. В дальнейшем все ссылки на это издание будут даваться в тексте с указанием в скобках года, № и страницы. Курсив зд. и далее принадлежит С. Глинке.

Слово «Вестник» в заглавии журнала было достаточно традиционно: «Северный Вестник», «Драматический Вестник», «С.-Петербургский Вестник», «Московский Вестник» и, конечно, в первую очередь, «Вестник Европы» Н. М. Карамзина. Бесспорно, заглавие «Русский вестник» полемически заострено против направления карамзинского журнала: «Вестник Европы» был призван рассказывать русским читателям о жизни Европы, «Русский вестник» — о жизни России. Таким образом, уже в названии журнала содержалось противопоставление, которое не могло ускользнуть от современников.

Родившийся в эпоху национального подъема и вызванный на свет горячим желанием редактора примирить русских дворян со своим Отечеством, журнал в первые годы своего существования (1808—1812) имел довольно значительный успех у читающей публики. Сам С. Н. Глинка рассматривал свой «Русский вестник» как оружие в борьбе с Наполеоном и в старости с гордостью писал в своих «Записках», что журнал его навлек гнев самого Наполеона, который через своего посланника Коленкура выразил Александру I недовольство журналом.⁴

Конечно, значения «Русского вестника» в истории русской журналистики 1800—1810-х гг. не следует преувеличивать, но все же нельзя не признать, вслед за кн. П. А. Вяземским, что «преимущественно в первые годы существования своего журнала имел историческое и политическое значение».⁵ Между тем, это издание почти не изучено, в исследовательской традиции за ним прочно утвердилась слава казенно-патриотического реакционного журнала, и что дает право отделяться от него несколькими «дежурными» фазами. Не повезло и его издателю — Сергею Николаевичу Глинке. Довольно популярный в 1800-е гг. поэт, драматург, публицист, журналист, он на долгие годы пережил свою литературную известность, хотя до самой своей смерти в 1847 г. продолжал заниматься литературной деятельностью. Человек необычайно пылкий и увлекающийся, С. Н. Глинка имел несчастье доводить до крайней точки все свои даже интересные и перспективные идеи. Вся его жизнь и деятельность, в том числе и «Русский вестник», исполнены наивными, а иногда и нелепыми крайностями. Это делало его фигуру комической, а идеи, беспрестанно повторявшиеся им со свойственной ему прямолинейностью и завидной настойчи-

⁴ См.: Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895, с. 237. Характерно, что русский царь не подозревал о существовании «Русского вестника» и узнал о нем благодаря французскому императору. Это ясно свидетельствует о том, что журнал вовсе не выражал **официальной**, т. е. правительственной, линии, как это часто утверждается (см., например: А. И. Комаров. Реакционная журналистика. — В кн.: Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. I. Л., 1950, с. 173).

⁵ П. А. Вяземский. Сергей Николаевич Глинка. — В кн.: его же. Полн. собр. соч. Т. II. СПб., 1879, с. 338.

востью, обесценивались в глазах современников. В историю С. Глинка вошел таким, как он изображен в сатирах К. Н. Батюшкова и в «Доме сумасшедших» А. Ф. Воейкова (печатавшегося, к слову сказать, в «Русском вестнике»). Эти стихи, да «постоянный эпитет» «квасной патриот» — вот то, чем обычно ограничиваются, говоря о С. Глинке.⁶

Между тем, его взгляды, несмотря на их эклектизм, крайнюю сумбурность выражения в сочетании с утомительным повторением одних и тех же мыслей, складываются в довольно стройную систему. Она никогда не была изложена автором в каком-либо одном тексте и вряд ли даже додумана до конца как логическое целое. Она была реализована во всем корпусе текстов «Русского вестника». В журнале рассматривался широкий круг религиозных, нравственных, политических, социальных вопросов — от самого общего философского осмысления основ миропорядка, природы человека, государственной власти, социального неравенства до рассуждений о том, как следует строить семейную жизнь, по каким учебникам учить детей французскому языку и географии и т. д. Это связано с тем, что «Русский вестник» стремился активно воздействовать не только на сознание, но и на реальную жизнь современников. Он хотел опровергнуть в глазах читателей «ложные» философские системы и дать им «правильный» взгляд на мир, объяснить их обязанности, дать образцы «правильного» поведения, продиктовать программу каждодневной жизни и убедить в необходимости принять ее. Другими словами, в журнале отчетливо прослеживается определенная и детально разработанная идеальная модель, создателем которой был его редактор С. Н. Глинка. Для того, чтобы осмыслить «Русский вестник» как единое целое, а не просто набор статей по отдельным вопросам, необходимо эту модель вычленить и описать. Это и явилось задачей настоящей работы. В ней предпринята попытка реконструкции и описания системы взглядов С. Н. Глинки.⁷ В дальнейшем такое описание позволит рассмотреть генезис системы воззрений, источники ее основных идей, соотношение с другими совре-

⁶ Ни одного специального исследования о С. Н. Глинке не существует, хотя литература, содержащая упоминания и краткие характеристики его жизни и деятельности, а также разыскания по частным вопросам, достаточно обширна. Еще при жизни писателя Б. Федоровым была выпущена посвященная ему брошюра (см.: Б. Федоров. 50-летие литературной жизни Глинки. СПб., 1844), которая, однако, ни в коей мере исследованием не является. Самое глубокое и интересное, что написано о С. Глинке, — цитированный выше некролог П. А. Вяземского, который подчеркнул, что «жизнь и труды Глинки имеют свое неотъемлемое место в истории русской литературы» (П. А. Вяземский. Цит. соч., с. 337), но при всей своей глубине это все-таки лишь некролог.

⁷ Материалом для реконструкции служил весь корпус текстов «Русского вестника» эпохи его расцвета, т. е. за 1808—1812 гг.

манными ей системами, проследить развитие ряда идей в сознании последующих поколений. Оно позволит также по-новому взглянуть на «Русский вестник», оценить его интересную и своеобразную программу, определить его позицию в важнейших спорах эпохи — о языке и народности.

*

Мировосприятие С. Н. Глинки внутренне очень напряженно и полемично, ориентировано на потенциального оппонента. Он исходит из логики сознания, воспитанного и сформированного культурной традицией «философского столетия». Высказывая свои идеи, он тут же приводит (чаще всего в собственном пересказе) мысли «лжеумствователей осьмагонадесять века» и вступает с ними в яростный спор. Но интереснее то, что сам факт того или иного высказывания Глинки вызван существованием в оспариваемой системе представления, которое необходимо опровергнуть (т. е. чужая система первична по отношению к своей). Это вполне объяснимо, поскольку сам Глинка не только прекрасно был знаком с философией XVIII в., но именно она составляла основу его мировосприятия.⁸ Вообще, его отношение к идеям философского века гораздо сложнее, чем лежащая на поверхности брань в их адрес, но этот вопрос требует специального рассмотрения. Сейчас же нам важно, что идеи «лжеумствователей» явились отправной точкой идей С. Н. Глинки.

Воспринимая философию XVIII в. как материалистическую и атеистическую, Глинка именно в этом видит основное зло и корень всех ее ошибок. Поэтому «Вера» становится краеугольным камнем его триединой формулы «Бог. Вера. Отечество» (1811, № 8, с. 71), составляющей краткое «резюме» его системы.

Бог (Творец) — «Один *Всесовершен*» (1811, № 11, с. 133), люди же грешны, ограничены в своих способностях и возможностях (см. там же, а также 1812, № 7, с. 71). «Беспредельное блаженство» возможно лишь «в одних небесах» (1812, № 7, с. 71), в «блаженной вечности», «в сем единственном пределе совершенства» (1811, № 11, с. 133). «Человек приходит в мир не для благоденствия земаго» (1809, № 2, с. 341—342), его

⁸ Забегая вперед, отметим, что именно поэтому С. Н. Глинка иногда произвольно цитирует или кладет в основу своего построения мысль кого-нибудь из просветителей XVIII в. Особую роль для него играют идеи Ж.-Ж. Руссо.

⁹ При кажущемся сходстве с печально знаменитой формулой С. Уварова между ними обнаруживаются существенные различия: не «православие», а «Бог» и «Вера», не «самодержавие», а «Отечество». Этот акцент меняет внутренний смысл и общественное звучание системы.

удел — страдание, но «тот, кто терпеливее переносил труд, нужду, обиды, неправды и даже гонение, тот насладится *блаженною вечностию*» (1811, № 11, с. 133). «Земное благоденствие» преходяще, мнимо и потому ложно. Люди, достигшие пределов земной власти или богатства, забывают, что эти «блага» могут быть мгновенно утрачены. В мире ценностей С. Глинка власть, богатство, чины занимают самые низкие ступени, т. к. не только преходящи, но и относительны — они не приносят полного «земного счастья»: «С богатством часто живут заботы и беспокойство, неизвестныя бедным. <...> Как часто в огромных палатах, на лоне роскоши и неги, любимцы щастия мирскаго скучают!» (1811, № 7, с. 11). Но даже истинные земные ценности — любовь родных и близких, семейное благополучие (независимые от социального положения), которыми так восхищается Глинка, оказываются в конечном итоге призрачными — человек не властен в жизни и смерти и в любую минуту может утратить земное блаженство. В этом заключается то истинное «*Христианское равенство*», которому «и Царь и земледелец от начала до исхода равно подчинены» (1811, № 10, с. 43). Божественный Промысел управляет жизнью человека, и единственное средство достичь истинной радости и счастья — подчиниться «уставам веры», построить свою жизнь на законах христианской морали.

Однако С. Н. Глинка отнюдь не был религиозным философом, и детальные рассуждения по вопросам веры возникают у него из необходимости построить совершенно иную модель мира, чем та, которую строили философы XVIII в. Поэтому он и выбирает для своей концепции противоположное основание. В деталях схемы он согласен иногда следовать за своими оппонентами, но тем важнее для него доказать ее принципиальное отличие от просветительской (грозный опыт кровавой Французской революции состоит за каждым его утверждением).

С. Глинка так конструирует философию «лжеумствователей»: они отрицают существование загробной жизни, поэтому проповедуют возможность и необходимость достичь «безпредельного блаженства» на земле. Отсюда их стремление к уравнению всех в правах, к «безпредельной свободе» (1812, № 2, с. 28). Сознывая привлекательность этих идей, Глинка очень часто возвращается к ним, чтоб подвергнуть уничтожающей критике. Приведем лишь одну из характерных его тирад: «Положим, что сумудрие новых Философов уравнило бы все подати, изстребило б бедность и нищету; но оно все не могло бы *уравнять земнаго щастия жизни человеческой*. Чем утешится поселянин в те минуты, когда неотвратная смерть похищает у него супругу, детей и все то, что не только услаждало его *изобилие*, но даже и самую *бедность*? Все *уравнения Философическия* облегчат ли скорбь его, подадут ли ему надежду <...>. Вера, одна

вера облегчает скорбь и страдание отца и супруга <...>, одна Вера *уравнивает* в чувствованиях душевных и ожиданиях небесных земледельца и Венценосца. Злополучный Людовик XVI тем же утешался в темнице, под властью лютых убийц, чем и последний из его подданных, готовящийся на смерть *за закон отцов своих*: Вера и надежда облегчали тяготу их оков» (1811, № II, с. 134—135; ср. также: 1811, № 10, с. 81—107).

Но не следует думать, что признание «ограниченного» истинным, а «всемирного», «беспредельного» ложным, подчинение человеческой воли высшей воле Творца приводит в системе С. Глинки к унижению человека или к его пассивности. Наоборот, активность каждого отдельного человека, стремящегося к «общей пользе», — исходное условие работы системы. С. Глинка направляет эту активность на служение «ближнему». Слово «ближний» для него — синоним слова «соотечественник». Обвиняя «лжеумствователей» в том, что они стремились быть «всемирными гражданами», пеклись о благе «*Негров и Кафров*», «забыв *современников*, рожденных с ними в одной земле» (1812, № 7, с. 70), Глинка замечает, что любовь к родине внушена человеку самим «Творцом Природы» и «кто не любит родины, то есть того места, где он наслаждался привязанностью отца и матери, тот не может любить ничего» (1812, № 8, с. 24—25). Поэтому-то отсутствие или утрата этого чувства может привести к ужасным последствиям (что, с его точки зрения, доказал опыт Французской революции). И именно поэтому семейной жизни, «семейственному воспитанию», обязанностям отца, матери, сына, дочери отводится такое большое место в системе С. Н. Глинки. С одной стороны, в семье начинается воспитание гражданских добродетелей и, с другой, — только став семьянином, молодой человек становится настоящим гражданином (см.: 1809, № 3, с. 433), т. е. семья — начало и завершение пути человека к званию гражданина и сына Отечества.

Постепенно, однако, понятия «семьи» и «родины» расширяются. Родина (место рождения) — это малая часть большого единства — родной страны, Отечества, которое неразрывно с государством. Государство же «можно уподобить *семейству и дому*. Вожди народов суть *домоправители* областей, порученных им Провидением. Чиновники, постановленные волею венценосного *Домоправителя*, подражая особенной его любви к своему *семейству, к своему дому*, то есть к народу своему, должны также все способности разума, все силы душевный посвящать исключительно сей *особенной любви*, которая созидаёт любовь к отечеству» (1812, № 7, с. 72). Значит, государство — семья, царь — отец, которому подданные должны подчиняться. Однако тип отношений «царь — подданный» является лишь частным случаем общей модели подчинения: так же строятся отношения «военноначальник — солдат», «помещик —

крестьянин», «господин — слуга» и т. д. Уподобление всех человеческих отношений семейным приводит к следующей модели мира:

«Отец»	«Семья» («дети»)
1. Бог	1. Человечество (все люди)
2. Государь	2. Отечество (все подданные)
3. Начальник (помещик, господин, полководец и т. д.)	3. Подчиненные (крестьяне, слуги, солдаты и т. д.)
4. Отец	4. Дети

Здесь помещик — отец своих крестьян — будет подобен Государю — отцу Отечества — и Богу — отцу всех людей (подобие по функции и месту в своей группе). Но если вспомнить, что Государь — не только отец своих подданных, но и супруг и отец своих родных детей, как и последний из его подданных, то оказывается, что подданный подобен Государю. Подобие находит полное завершение, когда Глинка вводит отношение: Бог — Отец своего Божественного Сына. Богоподобие человека доказывается Глинкой приписыванием Богу-Сыну чувств, присущих человеку — дружбы и любви к Отечеству (см.: 1811, № 5, с. 62).

Если рассмотреть характер отношений между звеньями левой цепочки, то получается, что любой начальник подчиняется Государю и оба они — Богу. Бог же — высшее звено цепи, ибо Он не связан ни с кем отношением подчинения, тогда как Ему подчиняются все; в этом и заключается столь важный для Глинки принцип равенства — высшего христианского равенства.

Между левой и правой частью схемы существуют отношения взаимного подчинения (особое положение высшего звена уже оговорено). Именно в силу «семейного» характера отношений Государь служит своим подданным так же, как они служат ему. Их объединяет «общая польза» — понятие, без которого «все подданные» не могут составить «отечества». Понятие «Отечество» — центральное и важнейшее для С. Глинки — включает в себя всех людей, населяющих страну и объединенных «общей пользой». В «земной» жизни Отечество подобно Богу, ибо перед его лицом все также оказываются равны: все — «сыны Отечества». Это некое высшее «истинное» равенство, подобное «христианскому равенству», но оно совсем не исключает того, что и миропорядок, и государство основаны, для С. Глинки, на строго иерархическом принципе, имеющем божественное происхождение. Каждому человеку отведено в мире определенное место, ступень на иерархической лестнице. Но какое бы место он ни занимал, он всегда — часть целого, вне

которого он не может быть благополучен. «Личная выгода» каждого отдельного человека неразрывна с «общей пользой» (см.: 1812, № 3, с. 20), «без стремления к общему благу частная выгода есть призрак, который обольщая мгновенно, навсегда повергает в нерачение о самих себе и о славе Отечества» (1811, № 7, с. 123). Польза же — и личная, и общая — состоит в ревностном исполнении своей «должности». Поэтому С. Глинка старательно очерчивает круг обязанностей каждого члена государства. Чем более высокое положение он занимает, тем этот круг шире, тем выше ответственность и тем труднее должность (см.: 1809, № 2, с. 215). Больше всех трудится монарх, ибо «каждый из подданных трудится для себя, или для своего семейства; Цари-Отцы трудятся для каждого и для всех» (1812, № 3, с. 99; ср.: 1809, № 4, с. 46). Уделяя монарху (как общественному институту, так и конкретным историческим личностям) большое место в своей системе и на страницах своего журнала, С. Глинка неустанно подчеркивает его **обязанности** по отношению к подданным. Редактор использует наставления князя Игоря сыну Святославу, чтобы авторитетным историческим свидетельством подкрепить мысли, многократно им повторявшиеся. Князь Игорь говорит сыну, что князья должны «уметь другими повелевать таким образом, чтобы поданные чувствовали власть нашу по единому довольству и благополучию своему! Многие заблуждаются, думая, будто бы Государь должен от подданных своих отличаться великолепием одежд, роскошною трапезою, множеством злата и серебра... Государь превосходит подданных своих не житьем спокойным, но усердным старанием о пользе их и трудолюбием» (1809, № 4, с. 39; ср. также: 1808, № 4, с. 3—4; и др.).

Итак, монарх — отец народа, т. е. отец Отечества, и это значит — одновременно — его верный сын, всем для него жертвующий. Образцом монарха — «сына Отечества» был для С. Глинки Петр I, якобы сказавший перед Полтавской битвой: «Ведайте о Петре, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия, благочестие, слава и благоденствие ея» (1808, № 1, с. 22 и еще многократно). Подчинение такому монарху (а именно таким должен быть всякий царь!) не может быть рабством, поэтому С. Глинка опровергает утверждения «иноземцев» о царящем в России «самовластии» (см.: 1808, № 4, с. 73). Русские — верные подданные своих государей, которых они чтут за добродетели и жертвы Отечеству и подчиняются им, соблюдая свою и общую пользу. **Личным** качествам царей и незначительным на первый взгляд поступкам их частной жизни уделяется большое внимание на страницах «Русского вестника». Так, личные добродетели юного Михаила Романова и его отца остановили на нем выбор сограждан и привели единодушному и добровольному избранию его на

русский престол (см.: 1809, № 1, с. 83—99). Не менее важны для С. Глинки факты свободного и сознательного волеизъявления отдельных подданных, когда они, имея в виду не свои корыстные цели, а пользу Отечества, вступают в споры и противостоят царям. Характерно, что в одном из первых номеров журнала мы встречаем статью «Памятник Князю Якову Феодоровичу Долгорукову, другу Правды» (1808, № 5, с. 121—132), где приведены любимые изречения этого строптивого сподвижника Петра I: «Любить Царя, любить Отечество. Царю правда — лучший слуга».

Описывая далее свое государство-семью, С. Глинка продолжает настаивать на необходимости «степеней общественных», т. е. на внешнем неравенстве, которое, вместе с тем, является глубинным равенством — в трудах на пользу Отечества — ее членов. «Различные степени составляют не *рабство*, но *твердое основание общежития*. Где нет законного разпорядка, там каждый захочет своевольствовать; всякой бросит свое дело; там запустеют нивы, разрушатся села и города; там в яростной необузданности страстей будут грызть и пожирать друг друга, там будут лить кровь ближних, как некое сладкое питье! Вот ужасные, вот гибельные плоды *вольности* Французской» (1812, № 8, с. 28, 29, ср. также № 3, с. 9). Угнетение и рабство являются результатом нарушения «законного разпорядка», который создан Богом для блага людей (см.: 1812, № 3, с. 96, 97).

И все-таки вопрос о «преимущественном состоянии» отдельных членов общества, в первую очередь, дворян, перед другими чрезвычайно занимал редактора «Русского вестника». Закрепляя за ними определенный круг обязанностей — воинов, защитников Отечества и помещиков, отцов своих крестьян — С. Глинка всячески старается показать, что сам по себе факт принадлежности к дворянству не является достоинством и вообще не имеет оценочного смысла. Только свято исполняя свой долг перед Отечеством, дворянин **достигает** «имени *благородного человека*, и удостоивается преимуществ и отличий, предоставленных ему Отечеством» (1809, № 3, с. 413). Борясь с аристократическими предрассудками, Глинка писал: «Название *благородного человека* также часто неправильно употребляется, как и все другие слова. Простой воин, земледелец, усердно и терпеливо переносящие обязанности свои, суть достойные и благородные сыны Отечества» (1808, № 6, с. 315; ср.: «Имена усердных сынов Отечества украшаются делами: вот истинная знатность, достоинство и благородство!» — 1809, № 1, с. 16—17; и др.).

Особая тема, в этой связи, — проблема взаимоотношений, крестьян и помещиков. Хотя С. Глинка с негодованием отвергает утверждения все тех же «иноземцев» о гибельном поло-

жении русских крестьян как следствии их рабства, слишком частое возвращение к этой теме само по себе свидетельствует о его беспокойстве и неуверенности в действительном благополучии существующего в России положения. Настойчиво подчеркивая, что «долг каждого Русаго помещика: быть отцом и хранителем поселян своих; что Богу и Отечеству отдают они отчет во всех своих делах» (1809, № 2, с. 215), Глинка ищет доказательств тому, что «Истинные Русские помещики, благородные по делам, а не по одному только имени, были всегда помещиками человеколюбивыми. Они знали и старались впечатлеть в сердцах детей своих, что крестьяне суть *такие же люди, как и они*» (1809, № 2, с. 207; выделенные курсивом слова — цитата из письма И. И. Неплюева к сыну). С этим связана публикация статей типа «Примерная приверженность и признательность крестьян, при кончине благодетельнаго помещика» (1809, № 2, с. 207—220), «Признательность крестьянская» (1811, № 8, с. 75—87) и т. д. Один раз на страницах «Русского вестника» был прямо поставлен вопрос об освобождении крестьян. В статье «Напоминания о Екатерине Великой», прославляя в императрице «Монархиню-Россиянку», «Матерь и благотворительницу Русаго народа», редактор пишет: «Может быть некоторые спросят: почему же Екатерина не дала свободы крестьянам?» Ответ характерен, но и он, тем не менее, свидетельствует об истинных симпатиях С. Глинки: «Разрешение сего вопроса не относится к разсуждениям частного человека» (1808, № 4, с. 42—43). Не рассуждая о правительственных постановлениях, не им, а законам сердца и совести «частного человека» придавал С. Глинка решающее значение. Сочувственный читатель «Путешествия из Петербурга в Москву», воскликнувший: «Стыд великий, позор и горе той стране, где торгуют человечеством», он в 1808 г. отпустил на свободу своего последнего крепостного.¹⁰

Однако описание системы взаимоотношений помещиков и крестьян и — шире — вообще начальников и подчиненных в понимании С. Глинки было бы неполным, если бы мы ограничились понятиями общей и личной пользы, долга, истинного благородства. Есть понятие, которое цементирует вообще всю систему мировосприятия Глинки, придает ей внутреннюю цельность и смысл — это благотворение. О нем сам автор патетически восклицал: «О сила и могущество благотворения! ты везде смягчаешь сердца; тобою пути заросший тернием претворяются в стези цветущия!» (1809, № 3, с. 441). Благотворение, как и любовь к Отечеству, уравнивает людей различных состояний, ведет к «истинному», «христианскому равенству» (ср.: «Благо-

¹⁰ См.: Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895, с. 186, 244; ср. также с. 177, 187.

творение сближает и соединяет души. Сие равенство, не нарушая порядка, доставляет способ одним благотворить, а другим — любить благодетеля своего». — 1809, № 2, с. 207). Это — вторая величайшая добродетель, которая является для Глинки пробным камнем человеческого достоинства; точнее — это важнейшая составная часть понятия любви к Отечеству, которая, как было показано выше, есть прежде всего любовь к ближним.

Журнал «Русский вестник» можно было бы без преувеличения назвать летописью благотворения. В каждом номере мы встречаем известия о благотворительных поступках людей самых разных сословий, сопровождаемые обычно философско-публицистическими рассуждениями редактора или автора известия о силе и пользе благотворения. Нет художественного произведения, где бы добродетельный герой или героиня в тайне от всех не благотворили бы ближним. Когда речь идет о каком-нибудь русском монархе, непременно отыскивается случай упомянуть о его благотворительной деятельности. Так, царица Наталья Кирилловна своими руками шила одежды и тайно раздавала нищим, а ее послушный и нежный сын Петр I, следуя заветам матери, также тайно раздавал смастеренные им вещи (1809, № 3, с. 480—483). Михаил Феодорович, Алексей Михайлович и др. посещали остроги и выкупали на волю заключенных. Александр I в самом начале своего царствования заявил, что будет покровительствовать всем благотворительным обществам (указ от 16. V 1802 г. — см.: 1812, № 1, с. 92—100) — этот список можно было бы продолжить. Цель этих бесконечных примеров и рассуждений — пробудить в современниках стремление к благотворению, наполнить высоким смыслом их жизнь. «Дай Бог, — говорится в одном письме к издателю «Русского вестника», — чтобы у нас час от часу умножалось число ходатаев за бедных и злополучных! Тогда люди недостаточные не будут страшиться нищеты, а богатые — перестанут жаловаться на пустоту сердечную и на скуку, которая постигает их в вихре забав, в недрах роскоши, среди всех отрав неги» (1809, № 4, с. 95).

В связи с этим любопытно отметить и другую сторону взглядов С. Глинки. Вопрос о том, почему существуют «бедные и злополучные», не встает перед ним. Этот факт принимается как часть status quo, установленного Божественным Промыслом и не подлежащего обсуждению. Вмешательство в эту сторону бытия пагубно, как все, что не согласуется с уставами Веры, и свойственно оно лишь «лжеумствованиям» (см. выше, с. 57—58). Зато вопрос, почему богатые проводят жизнь в сердечной пустоте и скуке, очень волнует С. Глинку. Как всегда, в сферах, которые, по его мнению, относятся к человеческой компетенции, редактор «Русского вестника» очень активен и требовате-

леи. Его не радуют нравы и образ жизни современного дворянского обществе, не свойственные, как он считает, ни природе человека (назначенного трудиться), ни русскому национальному характеру, ни образу жизни остальных граждан. Глубокую трагедию и опасность видит С. Глинка в том, что «в недрах его <Отечества — Л. К.> возникло общество людей, от всех прочих словесий отличное одеждою, нравами, обычаями, и которое как будто бы составило в России *область иноплеменную*. Кто суть члены сего общества? Большая часть помещиков и богатых людей» (1808, № 4, с. 38). «Новая книга *большаго света*, по сравнению с древностию, представляет особый мир и особых людей, хотя потомки не переменяли ни страны, ни имени праотцов своих» (1808, № 1, с. 5).¹¹ Причины этого ясны для Глинки: «роскоши», «моды», «новое воспитание», т. е. все то, что он относил к «наносным предубеждениям», к «иноземному влиянию» (см., например: 1809, № 1, 198) и против чего боролся страстно и непримиримо.

Глинка резко осуждает, развенчивает, а иногда и едко высмеивает дворян, живущих по законам «большаго света». В «Русском вестнике» почти нет статьи, где бы не затрагивалась эта тема, специально посвященных ей сочинений тоже много: здесь и публицистика (типа «Модного разговора» — 1811, № 3), и памфлеты (типа «О Бон-Тоне», «О Бомонде» — 1800, № 2). Большая часть «нравоучительных повестей» («Доброй отец», «Добродетель побеждает мечты воображения», «Старой Друг лучше новых двух» и мн. др.) построена на этом материале.

Но главный пафос С. Глинки и «Русского вестника» — не в разоблачении и осмеянии, а в демонстрации положительного идеала и положительной программы.

В поисках положительного идеала С. Глинка обращается к русской старине, к русской истории и добродетелям предков.

Здесь необходимо подчеркнуть несколько моментов, связанных, впрочем, между собой. Во-первых, для Глинки важно обращение именно к прошлому, поскольку это то, что уже проверено опытом. В этом смысле полезно и необходимо изучение истории всех народов: «Повествуя о древних событиях, История возвещает также и о том, что устраивало благо людей, и от чего происходили вред и упадок обществ. С Историей непосредственно сопряжены *нравственность и политика*. В наше время страсть к политическим известиям сделалась почти общею страстью. Но можно ли заключать без знания Истории

¹¹ Ср.: «Каким черным волшебством сделались мы чужие между своими!» и т. д. (А. С. Грибоедов. Загородная поездка. — В кн.: его же. Соч. Л., 1945, с. 380). Ср. также знаменитую реплику Чацкого и эпитафия к «Русскому вестнику», который, кроме того, многократно перефразируется в журнале.

не только о важных, но и о мелочных обстоятельствах? Прошедшее учит судить о настоящем и угадывать будущее. И так для чтения политических известий необходимо надобно иметь хотя поверхностное понятие об Истории» (1809, № 2, с. 346—347).

Однако в другой статье С. Глинка делает важный акцент, который позволяет ему основное внимание уделять все-таки истории отечественной: «Чтение Греческой и Римской Истории, и исследование жизней великих Мужей всех стран и всех веков, еще более заставляя нас любить наше Отечество» (1809, № 6, с. 286—287; выделено нами. — Л. К.). Каждая страна имеет свои, отличные от других, нравы, обычаи, правительства (см.: 1808, № 1, с. 44), поэтому русский найдет то, что сделает его счастливым, именно в своих «отечественных летописях».

Но когда Глинка призывает обращаться к «преданиям праотеческим», для него существенно, что идеальные¹² человеческие взаимоотношения и образ жизни, который он хочет внушить современникам, **существовали** (и отчасти существуют) в реальности, что он основывается не на вымысле, не на «романах», а на **действительной жизни**; поэтому-то они и возможны в современности: надо только «припомнить», «возобновить», «возродить» то, что по тем или иным причинам оказалось «забыто» (см.: 1810, № 2, с. 118; 1811, № 7, с. 123; 1810, № 9, с. 104, и т. д.). В этом он видит еще одно принципиальное для него отличие своей системы от взглядов «лжеумствователей»; «Философы осьмагонадесять столетия, никогда не заботились о доказательствах: они писали политические, исторические, нравоучительные, метафизические, физические романы; порицали все, опровергали все, обещевали *безпредельное просвещение, неограниченную свободу*: не говоря, что такое то, и другое; не показывая к ним никакого следа; словом, они желали преобразить все *по своему*. Мы увидели, к чему привели сии романы, сии мечты воспаленного и тщеславного воображения! И так замечая нынешние нравы, воспитание, обычаи, *моды* и проч. мы будем противопоставлять им, не вымыслы *романтические*, но нравы и добродетели праотцов наших» (1808, № 1, с. 6).

Описанию добродетелей предков посвящены сотни страниц «Русского вестника». Вкратце можно сказать, что предки лишены всех тех пороков, которые присущи современным дворянам (отправной точкой рассуждений являются, конечно, «нынешние нравы»). Если теперь дворяне следуют «роскошам и модам», преклоняются перед «иноземцами» и забыли обычаи дедов и прадедов, то раньше русские люди не знали ни роскоши, ни мод, были скромны и умеренны, довольствовались

¹² Слово «идеальный» зд. следует понимать не как «абсолютно совершенный», а скорее как «совершенный настолько, насколько это возможно по слабости человеческой».

всем своим, отечественным, почитали своих праотцов и т. д., и т. п. Вот характерное описание «праотческих нравов»: «Взглянем на старца, окруженного сынами, внуками и нередко правнуками: одни из них возвратились от службы государевой, другие к ней готовятся. Он одних спрашивает, других наставляет; у третьяго отбирает отчет в хозяйственных и домашних распоряжениях: хвалит его рачительность, называет жезлом своей старости и подпорою братий своих. Он глава, отец и наставник семьи своей. Между тем матери подносят к нему своих питомцев; они улыбаются, ласкают его; старец воспоминает лета молодости и не чувствует устарелости. Садится ли за сытный стол; все родные, все близкие его сердцу, и гости там не чужие. *Хлеб соль*, и Русская откровенность сближала сердца и души. Нередко Цари, слагая с себя бремя правительства, приходили отдыхать в сии беседы. Боярин *Артемон Сергеевич Матвеев*, друг Царя *Алексея Михайловича*, принимал и угощал его как друга. В одной из сих бесед Царь узнал Наталью Кириловну; узнал ее добродетели, и питомица Матвеева украсилась Царским венцом» (1808, № 1, с. 33—34). Каждая деталь здесь знаменательна и исполнена для Глинки глубокого смысла. Он не замечает, что нарисованная им картина чисто умозрительна и вполне может быть причислена к «мечтам воспаленнаго воображения». Он чувствует себя вправе рисовать такие картины, ибо они продиктованы любовью к Отечеству и соответствуют, в его представлении, «коренным свойствам» русских людей, «русскому духу», в который он проник, читая русские летописи, знакомясь с «отечественными преданиями», вникая в свойства русского языка и особенно русских пословиц. Без любви к Отечеству невозможно постижение духа нации, а без него, считает Глинка, невозможно ни управление государством (ср.: «главная наука Правителей, то есть: наследования *коренных свойств и духа народнаго*» — 1810, № 10, с. 122), ни историческое исследование, ни вообще какое-либо суждение о стране и народе. Поэтому-то и оказываются столь ложными рассуждения иностранцев о России (см.: 1810, № 3, с. 104—106, и др.), поэтому-то и в научной полемике мнение иностранного историка всегда будет оспорено (см., например, «Догадки и замечания» Глинки на «Нестора» А. Шлецера — 1811, №№ 4, 9, 11 — хотя вообще этому ученому воздается дань признательности и уважения). Наоборот, почти любому суждению русского (конечно, только «истинного сына Отечества»), даже если он жил намного позже или... до описываемых событий, придается сила исторического документа. Так, говоря о причинах только что закончившейся войны с Турцией и относя их к ненависти и подстрекательствам французов против России, редактор «Русскою вестника» пишет: «В неопровержимое сему доказательство, мне бы стоило только переписать целую

Оду Петрова, сочиненную 1775 года на заключение с *Оттоманскою Портою мира*» (1812, № 9, с. 110—111).¹³

Итак, только русские могут познать русскую историю. Это обстоятельство заставляет Глинку вдвойне сетовать на небрежение к ней россиян. Поэтому он с удвоенной энергией разоблачает «иноземные клеветы» на прошлое России (в основном, о варварстве и невежестве допетровской Руси), боясь, чтобы русские «французоманы» и «англоманы», верящие иностранным авторитетам, не отвернулись бы окончательно от своего Отечества, прочтя о непривлекательности его истории. Вместе с тем, он с радостью приводит положительные отзывы о России «благомыслящих» иностранцев (см. хотя бы отзыв Мерсье о Петре — 1808, № 1, — и т. д.). Основной же упор Глинка делает на показе **преимуществ** России перед другими государствами. Его пламенное желание доказать приоритет всего русского часто выливалось и наивные до комизма утверждения, вызывавшие колкие насмешки современников. В системе его взглядов эта тенденция уравнивалась заявлениями о необходимости уважать и в других народах чувство любви к Отечеству, о пользе изучения чужих языков, обычаев, примерами добродетельных поступков иностранцев. Однако на страницах «Русского вестника» такие рассуждения невольно теряются в потоке похвал родной стране. Редактор, видимо, осознавал это, но его добросовестные попытки поправить положение чаще всего оканчивались восклицаниями типа: «Винуют ли Издатель Р. Вестника, что в простых изъяснениях Матвеева более смысла и истинны, нежели во многих так называемых философических сочинениях Вольтера и подобных ему мудрецов!» (1809, № 5, с. 194). Стремясь к объективности, Глинка приводит и отрицательные примеры из русской истории (ср.: «Священная истинна, и польза общественная, повелевают не только возвещать добродетели предков, но и не скрывать ни неправд, ни злоключений времен прошедших» — 1812, № 2, с. 1). Наибольшее огорчение и порицания вызывают у него периоды «разномыслия» (смутное время, бунты стрельцов), примеры измены Отечеству или нерадения о его благе (сюда он относит и «тиранство» Ивана Грозного), но при этом он всегда проводит параллели с историей других народов, подчер-

¹³ Как это ни покажется парадоксальным при такой логике доказательств, Глинка придает огромное значение документальному свидетельству. «Русский вестник» пестрит ссылками на десятки исторических источников, причем прослеживается даже определенная их иерархия по степени авторитетности. Однако критике источников (Шлецер) Глинка противопоставляет проникновение в дух источника, «нравственное исследование летописей» (1811, № 4, с. 32). Вообще вопрос об отношении Глинки к историческому документу требует отдельного рассмотрения. Сейчас для нас существенно подчеркнуть субъективную важность для него наличия исторических документов, доказательств.

кивая, что гам больше подобных примеров или последствия их более гибельны (см., например; 1808, № 7, и мн. др.).¹⁴

Как мы видели, обращение к русской истории не было для С. Глинки самоцелью. Сколь бы ни привлекали его дела и добродетели предков, его помыслы отданы современникам. Это для их блага он занялся изучением древних преданий и летописей, для их пользы создавал в своем «Русском вестнике» «новую отечественную историю; *историю о добродетелях и благотворных заведений*» (1808, № 1, с. 4; см. специальный раздел журнала — «Отечественные ведомости»).

Состояние нравов современного дворянского общества тревожит его, но все же он уверен, что пагубное иноземное влияние «ослабевает и вскоре совсем исчезнет» (1812, № 2, с. 43). Его оптимизм основан на убеждении, что «чуждые обычаи, сколь бы глубоко ни укоренились, природного свойства Россиян уничтожить не могут» (1809, № 2, с. 235), ибо «*коренное и первообразное* свойство народов никогда совершенно не истребляется» (1810, № 9, с. 104). Замечательные «коренные добродетели» русских людей (см.: 1810, № 7, с. 14) спасали Россию во времена бедствий и «разномыслия», охраняют ее в настоящем и являются залогом ее процветания и благоденствия в будущем. Однако сколь бы надежны и прочны они ни были, сами по себе они не защитят современных россиян от нравственной гибели. Для исправления нравов и изменения жизни необходимо активно действовать. Уже во «Вступлении» к «Русскому вестнику» С. Глинка повторил изречение Франклина «Бог помогает тем, которые сами себе помогают» (1808, № 1, с. 8) и в своем журнале предложил современникам широкую программу таких действий.

Для того, чтобы освободиться от ига «наносных предубеждений», нужно, в парную очередь, — считал С. Глинка, — заменить «иноземное» воспитание «отечественным»: учитель-иностранец не может дать русскому воспитаннику «истинного воспитания», которое «состоит в преимущественной любви к Отечеству» (1808, № 3, с. 299), поэтому необходимы «русские наставники», «русские пансионеры», а более всего — внимание родителей к воспитанию своих детей («отцы-наставники» и «матери-наставницы»). «Отечественное воспитание», «деятельное благотворение», «ревностное исполнение своей должности» — такова программа «Русского вестника», и редактор направляет свои усилия на то, чтобы доказать читателям ее реалистичность,

¹⁴ Детально рассмотреть историческую концепцию С. Глинки в рамках настоящей работы нет возможности. Бесспорно, однако, что специальное ее исследование представит интерес не только для изучения наследия С. Глинки, но и в рамках более общей проблемы отношения к историческому документу, факту и формированию представлений о русской истории (точнее — образов русской старины) в сознании людей нач. XIX в.

жизненность. Для этого он конструирует в журнале особую идеальную «действительность», якобы существующую и в современности: исходя из сенсуалистско-просветительского убеждения в силе примера, С. Глинка, переводчик Кондильяка, показывает свою программу «в действии».

В «Русском вестнике» носителями модели идеального поведения современного дворянина являются специально созданные персонажи, существующие в журнале на функции реальных живых людей (Артемий Булатов из села Громилова, Герасим Старожилов и др.). Их «соседями» по поместьям оказываются добродетельные герои «нравоучительных повестей» С. Глинки. Конечно, автор сознает условную природу своих персонажей и их «жизни», и тем не менее сконструированная таким образом псевдодействительность для него «реальна» и противостоит «вымыслам» просветителей: «Уже ли не поверят, что *Булатов* и *Старожилов* соседи мне и Добросерду, — пишет в своем «письме» одна из героинь, Милена, — и что все добрые их намерения вымысл и мечта?.. *Руссо*, окончив свою *Новую Елоизу*, сказал: «Не ищите лиц, изображенных мною: их нет, они сотворены мною!» К счастью, мне не нужно тешиться вымыслом воображения; и уже ли то чудо, что в просторном Отечестве нашем есть уголок земли, где живут несколько человек, из которых одни всегда любили простоту нравов, а другие от затей *моды* и призраков светского счастья обратились к простоте, к Природе и подлинному счастью!» (1811, № 9, с. 134—135; кстати, характерно, что этот идеальный «уголок» находится в провинции, которая в «Русском вестнике» неизменно противопоставляется столицам как хранительница чистоты нравов). Как и при обращении к историческому материалу, для С. Глинки реально то, что должно существовать, а не то, что существует или даже существовало. Поэтому мы можем проследить в «Русском вестнике» любопытную переключку сконструированной «реальности» с подлинными факторами современной жизни. К величайшему удовольствию С. Глинки, то или иное предложение Булатова и др. находит иногда подтверждение в «сообщениях с мест» и, наоборот, письма реальных читателей журнала становятся толчком для идей персонажей. Этот своеобразный сплав двух «реальностей» и составляет ту идеальную действительность, которая, будучи предельно конкретной и приближенной к жизненным ситуациям, должна была служить современникам С. Глинки прямым «руководством к действию»: в идеале читатель «Русского вестника» должен был не просто восхититься содержащимися там статьями и повестями, а изменить под их влиянием свою жизнь. Оттого издатель придает такое большое значение не только описаниям целей и результатов действий, но и путям и средствам их достижения. Читатель, решивший воспитывать своих детей по образцу,

намеченному в повести «Здравомысл и Пленира»,¹⁵ найдет в ней детальную программу и даже список наиболее удачных учебных пособий (книги для народных училищ, математический курс Безу и др.). Светская дама, пожелавшая принести истинную пользу окружающим и сделаться повивальной бабкой, отыщет в соответствующей повести указания, где почерпнуть нужные сведения (Амбодик Максимович «Искусство повивальное»), где усовершенствоваться в новом для нее деле (у московского доктора Масса), как устроить «храм родильниц» для своих крестьянок (см.: 1809, № 7), и т. д. и т. п. Таким образом, как мы видим, С. Глинка активно вторгался в сферу частной жизни, стремясь и ее подчинить служению Отечеству и общей пользе.

Требование перейти от слов к делу — пафос, которым проникнут весь «Русский вестник» и вся деятельность С. Н. Глинки. Каждый человек должен действовать (служить ближним), побуждаемый не государственными законами, не внешними обстоятельствами, а законами своей совести. Философы XVIII в., как полагал С. Глинка, только рассуждали об общем благе. Он упрекает своих оппонентов в разрыве между проповедуемыми идеями и личным поведением, сомневаясь даже в искренности их убеждений: «Естьлиб сердца их согреваемы были истинным человеколюбием, то вместо умствований <...> для чего к облегчению их <ближних — Л. К.> бедствий не уделяли они хотя малаго участка от *роскоши, неги и затей тщеславия?* Естьли же кто из сих умствователей был владелец поместья, то для чего не спешил туда для *деятельнаго благотворения?*» и т. д. (1811. № II, с. 130—131). Оставив в стороне вопрос о том, насколько этот упрек справедлив по отношению к просветителям, отметим, что сам С. Глинка всегда старался претворить в жизнь свои убеждения и делом послужить общей пользе. Этот наивный и бескорыстный «Мечтатель» мог с полным нравом оказать о себе в конце жизненного пути: «Любовь моя к отечеству не мечтой витала в душе моей. Смотрю на небо, и небо не обличит меня во лжи».¹⁶

Подведем некоторые итоги. Итак, С. Н. Глинка создал социально-утопическую систему, воплощение которой в жизнь не потребовало бы (и не предполагало) изменения существую-

¹⁵ Повесть эту С. Глинка вполне бы мог назвать «Русским «Эмилем», ибо она представляет собой применение знаменитого романа Руссо к русской жизни.

¹⁶ Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895, с. 245. «Мечтатель» — один из псевдонимов Глинки.

щего социально-политического строя и, вместе с тем, должно было обеспечить земное (т. е. ограниченное, но единственно возможное в «этом» мире) счастье каждого гражданина Российской державы в отдельности и благоденствие всего Отечества в целом.

Основываясь на принципах иерархии и равенства одновременно, эта система стремилась одухотворить уже существующие человеческие взаимоотношения. Уподобляя все отношения семейным («отец — дети»), т. е. непосредственным, в принципе исключаящим злую волю, эгоизм, основанным на взаимной любви, нравственных законах, Глинка идеализирует то, что предполагает тождество общего и частного блага, вклад каждого в общее дело и не предполагает полного равенства, подразумевая наличие старших и младших и подчинение последних первым ради собственного блага. Семья — это гармония, основанная на взаимном служении.

Такой тип отношений, распространенный на все сферы человеческого бытия, требует от каждой человеческой личности высокого самосознания и активности. Человек — часть целого, которому он подчиняется добровольно и осознанно, в соответствии со своей личной пользой, тождественной с общей. Между частями целого нет равенства, но и без самой малой части целое уже не существует, поэтому каждый человек приобретает большую ценность. Можно сказать, что человек стоит в центре этой системы. Иерархия — средство организации мира, призванное служить благу человека, а не подавлять его, посягать на человека и не нуждается в ее отмене. Наоборот, укрепляя ее, он укрепляет свое счастье. Достижение гармонии происходит благодаря внутреннему совершенствованию человека, его самоотверженному служению общей пользе. Актуализация идеи «общего» в силу семейного характера социальных отношений отодвигает на второй план иерархию как нечто вспомогательное и выдвигает на первый понятие равенства. Это придает социальным отношениям практически внесоциальный характер. Момент равенства еще более усиливается благодаря признанию владычества над миром Божественного Промысла, уравнивающего всех людей. Подчинение Ему не лишает человеческую личность самостоятельности и в то же время приводит к примирению с несовершенствами земной жизни. Принятие status quo (в самом широком смысле) и построение своей системы, исходя из него, является отличительной чертой модели мира С. Глинки. Ее цель — не разрушение мира, а примирение с ним человека, не построение нового, своего порядка, а прояснение в старом его истинной сущности (внесоциальной, нравственной), т. е. внутреннее его совершенствование. Государство-семья Глинки субъективно противостоит существующей государственно-бюрократической машине. Но оно также против-

стоит и просветительской модели мира, основанной на необходимости уничтожения старого строя. Система Глинки построена с учетом трагического опыта воплощения этой модели на практике и конструировалась, отталкиваясь от нее. Исторический опыт придает Глинке сознание своей правоты, поэтому он резко критикует предшественников и настойчиво навязывает свою систему в качестве образца.

Система С. Глинки причудливо сочетает в себе черты и даже части самых различных «картин мира»: просветительской, рационалистической (воплощенной в петровской государственности, вернее в ее образе, воспринятом через Ломоносова и Сумарокова), масонской, средневековой (древнерусской), античной (спартанской и римской). Просветительская модель играет, конечно, центральную роль (и не только как отправная точка большинства идей). От нее унаследован пафос уважения к человеку, который пронизывает всю систему.

Эклектичная и противоречивая, модель С. Глинки не случайно является таковой. Она стремится взять лучшее у каждой из предшествующих моделей и «снять» создавшиеся противоречия в некоем высшем единстве (где они покажутся мнимыми). Единство это, как и вся модель, имеет отчетливо выраженную нравственную природу и утверждает господство над миром нравственных законов.

Соприкасаясь разными сторонами с другими современными системами (Н. М. Карамзина, А. С. Шишкова, Ф. В. Растопчина и др), взгляды С. Н. Глинки соотносятся с ними достаточно сложным образом. Не однозначно и их место в перспективе последующего развития русской мысли. При оценке системы С. Н. Глинки необходимо помнить, что от нее тянутся нити не только к пресловутой «теории официальной народности» и писаниям Ф. Булгарина, Н. Греча и т. п., но и к отдельным идеям декабристов, младоархаистов, славянофилов и Гоголя. Речь идет, разумеется, не о влиянии на них С. Н. Глинки, а о том, как на раннем этапе оказалось возможным совмещение разных и потом далеко разошедшихся идей в системе взглядов не крупного, но характерного общественного деятеля.